

ЭКСПЕРТНЫЙ ВЗГЛЯД

Декабрь 2022 г.

<https://beroc.org/>
beroc@beroc.by

Резюме

- **ОТСУТСТВИЕ ПОНИМАНИЯ НЕОБХОДИМОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И ЦЕЛЕЙ ЛИШАЕТ БЕЛАРУСЬ ВОЗМОЖНОСТИ НАЧАТЬ ВЫХОД ИЗ РЕЦЕССИИ**

Экономическая политика белорусских властей в 2022 году ограничивалась попытками реагировать на новые проблемы и вызовы. Большинство принятых решений не дали положительного эффекта, а некоторые, как жесткое регулирование цен и несвоевременное расширение денежного предложения, могут дать побочные эффекты уже в ближайшем будущем. В целом же у правительства нет ни видения экономической политики, актуальной для нынешнего периода, ни четкого понимания, куда движется страна. Это лишает Беларусь возможности в среднесрочной перспективе начать выход из колеи рецессии.

- **ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ В УКРАИНЕ ОЩУЩАЮТ КАК УЧАСТНИКИ КОНФЛИКТА, ТАК И МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА**

Военная агрессия России привела к колоссальным потерям Украины — людским, инфраструктурным, финансовым. С серьезными, но не такими разрушительными, последствиями столкнулись Беларусь и другие страны мира. В совокупности эффекты от соучастия Беларуси в военной агрессии ставят под сомнения возможности экономического роста страны. В будущем перспективы развития будут зависеть от того, в каком состоянии Беларусь окажется после завершения войны.

- **ДРУГІ ЭНЕРГАБЛОК АМАЛЬ ГАТОВЫ, АЛЕ ПА ПРАЦЫ БЕЛАЭС БОЛЬШ ПЫТАННЯЎ, ЧЫМ АДКАЗАЎ**

Адзіны эффект, які пакуль заўважны ў працы БелАЭС, гэта скарачэнне аб'ёмаў пакупкі газу. Першы энергаблок працуе з эфектыўнасцю ў 50%. У гэтым годзе па невядомых дакладна прычынах ён больш прастойваў, чым працаваў. Другі энергаблок плануецца вывесці на поўную моц у першым квартале 2023 года. Але застаецца пытанне, ці будзе запатрабаванай выпрацаваная ім электраэнергія, улічваючы бягучае эканамічнае становішча і закрытыя для Беларусі знешнія рынкі збыту. У наступным годзе запланаваны пачатак выплат па асноўнаму крэдыту, атрыманаму на будаўніцтва АЭС. У сувязі з гэтым паўстане пытанне кошту электраэнергіі і выканання абяцанняў па зніжэнню тарыфаў, якія некалі ўлады давалі насельніцтву.

Бюлетень Экспертный Взгляд (в рамках проекта Мониторинг экономики Беларуси: тенденции, настроения, ожидания) представляет субъективный экспертный анализ ключевых краткосрочных тенденций белорусской экономики. В каждом выпуске бюллетеня выбираются три наиболее важные тенденции на основе опроса трех экспертов: сотрудников BEROC и внешних экспертов. В резюме фиксируются эти тенденции, а также ожидания трех опрошенных экспертов в отношении будущей экономической динамики. В основной части бюллетеня каждый из экспертов представляет свое виденье по одному из проблемных вопросов, свои ожидания и сценарии развития ситуации.

Ни BEROC, ни лица, его представляющие, не могут быть ответственными за использование информации, содержащейся в данном бюллетене. BEROC не несет ответственности за потери и/или убытки любого рода, связанные с использованием информации, представленной в бюллетене.

У БЕЛАРУСОВ ЗАБРАЛИ БУДУЩЕЕ

Специалист по экономике и финансам, пожелавший остаться анонимным

Ручное регулирование сработало с решением проблем госпредприятий

Оценивая экономическую политику правительства Беларуси в 2022 году, я, скорее, говорил бы не о проактивных действиях, а о ситуационной реакции или попытках реагировать на проблемы и вызовы. В основном достигнутые результаты — как плохие, так и хорошие — обусловлены внешними факторами, а также во многом стали следствием внутренней политики (не экономической): ужесточение политических репрессий против несогласных и правовой дефолт.

Одним из первых решений в ответ на назревающий кризис было создание Оперативно-ситуационного штаба и работа в ручном режиме по решению локальных задач крупных госпредприятий. Это дало положительный эффект, позволив производственным предприятиям достаточно быстро адаптироваться к новым реалиям. Но и в этом случае свою лепту внесла конъюнктурная удача, позволившая белорусским предприятиям занять на российском рынке место свернувшихся поставок из развитых стран. Если говорить о хорошей картине по экспорту в долларовом эквиваленте, то заметный эффект оказало укрепление реального курса российского рубля: рост рублевых цен при одновременном повышении стоимости к американской валюте. Но это временное явление, влияние которого тоже не будет продолжительным — экономика будет возвращаться в равновесное состояние, что будет приводить к коррекции курса. При этом важно, что поток этих средств использовали не столько на увеличение заработных плат, сколько на погашение долгов, что позволило снизить внешнюю задолженность предприятий.

Остальные решения чаще всего были несвоевременными и неэффективными

В то же время на рынке труда политика отсутствовала как таковая. Была полностью проигнорирована проблема утечки человеческого капитала. Более того, власть не только ничего не сделала, чтобы ее остановить, а наоборот, подсыпала дополнительные проблемы, стимулируя людей активнее принимать решение об эмиграции. Параллельно продолжились увольнения квалифицированных кадров. Фактически можно говорить о разрушении человеческого и социального капитала Беларуси. В долгосрочной перспективе эта проблема поставит крест на возможности выхода страны из постоянной рецессии.

Что касается денежно-кредитной политики, то в самом начале года, когда банки сильно подняли процентные ставки и не было избытка ликвидности, возможно, имело смысл расширение денежного предложения за счет Нацбанка. А вот летом в этом уже не было необходимости. К тому времени денежная масса сильно выросла, в частности за счет большой

валютной выручки и роста депозитов субъектов хозяйствования. Одновременно увеличились объемы наличной валюты в обороте, что стало ответом на ускорение инфляционных процессов и ограничение возможностей платежных систем в связи санкциями, введенными в отношении ряда банков.

Дальше можно вспомнить знаменитое сдерживание цен, к которому прибегли, хотя известно, что их жестким регулированием инфляцию никогда никому в долгосрочной перспективе удержать не удавалось. Результатом этого решения может стать дефицит товаров и рывок цен после отмены запрета. Если изменений по регулированию цен не будет, то на горизонте 3-4 кварталов мы увидим у торговых сетей проблемы с финансовыми показателями. Кроме того, вряд ли оценивались дополнительные издержки, которые лягут на регулируемую и судебную системы, торговые сети с точки зрения администрирования этого процесса.

Постановление по ценам окажет влияние и на бюджет, потому что в условиях низких темпов роста экономики рост цен был важным в плане наполнения казны. Изменение ситуации бюджет почувствует уже в период выплаты квартальных налогов.

Прогнозы на 2023 год вызывают вопросы с точки зрения сбалансированности

В социально-экономическом прогнозе на 2023 год заложен рост ВВП в 3.8%, инфляция запланирована не выше 7-8%, рост реальных доходов населения ожидается на уровне 4.1%, прирост инвестиций в основной капитал – на 23.3%, а экспорта – на 5.5%. На чем базируется такой прогноз, неизвестно, потому что в публичном доступе нет постановления Минэкономики, где бы объяснялось, как планируется достигать эти показатели. Тем не менее с точки зрения сбалансированности к этим планам есть ряд претензий. В частности, наращивание темпов роста экономики существенно выше потенциального уровня (который оценивается около 0.5%) предполагает ее перегрев. В этом случае всегда происходит ускорение инфляции, а у нас в прогнозе стоит замедление, что с точки зрения сбалансированности модели является достаточно проблематичным.

Второй момент: Нацбанк и правительство прогнозируют ослабление курса белорусского рубля. Исходя из этого, на протяжении 2023 года должна произойти серьезная девальвация. В этом случае опять же стоит ожидать роста цен.

Запланированное наращивание заработной платы на фоне обострившейся в последние несколько недель ситуации на валютном рынке усилит спрос населения на иностранную валюту, что тоже будет разгонять девальвационную и инфляционную спираль.

Много вопросов вызывает рост инвестиций. Начнем с источников: объективно в текущих условиях про

иностранные инвестиции можно пока забыть, предложение со стороны частных отечественных инвесторов будет минимальным, в бюджете средства отсутствуют. Использование российских кредитов для меня выглядит сомнительным как с точки возможности освоения средств на горизонте одного года, так и выделения их в принципе. Дальше вопрос направления инвестиций. Я не особенно представляю, какие сферы в текущий момент могут принять такой объем инвестиций. Это связано как с неопределенностью перспектив, так и ограничениями на ввоз оборудования. Более того, наличие избытка ликвидности в банках указывает на то, что некуда направлять кредитные ресурсы, что также свидетельствует об отсутствии нормальных инвестиционных проектов. Третий вопрос касается сбалансированности прогноза: появление дополнительных 1.5-2 млрд долларов, необходимых для достижения запланированного правительством роста инвестиций, предполагает резкое увеличение внутреннего спроса. В этом случае следует ожидать ухудшения картины по внешнеторговому сальдо. А в прогнозе прописано, что оно будет расти. Так не бывает.

В связи со всеми этими нестыковками мне кажется, что прогноз рисовался исходя из того, что все хотят красивые цифры, и неважно, есть ли внутренняя увязка между ними или нет, при этом понимание, как их можно достичь, отсутствует. Во многом это следствие ликвидации независимой экспертизы и, как следствие, профессионального диалога о возможных путях экономического развития.

Еще один важный вопрос связан с внешней торговлей. Есть вероятность, что в следующем году иссякнут возможности для продолжения экспортного чуда. Вероятнее всего, стоит ожидать сокращения объемов экспорта при прогнозе его роста. С одной стороны, это будет связано с разворотом российского рубля с укрепления на ослабление. С другой, с отсутствием физических возможностей увеличивать объемы производства по ключевым статьям экспорта. Самое интересное, что, учитывая низкую базу в марте-мае 2022 года, мы будем наблюдать некоторый рост. Это позволит рапортовать о достижениях. А потом, когда проблема с экспортом станет очевидной, реагировать на ситуацию будет слишком поздно. Хотя и реагировать непонятно как — доступ на рынки, кроме российского, у Беларуси серьезно ограничен.

У правительства нет четкого понимания, какую экономику мы строим

Анализируя доступные прогнозные документы, складывается ощущение, что у правительства нет четкого видения, какая экономическая модель должна быть реализована в Беларуси: нет ни цели, ни понимания возможных инструментов, ни путей их использования. Так что будет продолжаться реакционная политика.

На будущий год запланирован рост налогов (который, по словам министра финансов Юрия Селиверстова,

не приведет к увеличению налоговой нагрузки, что звучит по меньшей мере странно). Однако не стоит забывать об изменении налогооблагаемой базы. Наиболее вероятным выглядит прекращение работы бизнеса, как по причине продолжающегося давления со стороны властей, так и отсутствия перспектив на среднесрочном горизонте. В итоге нет никакой гарантии, что налоговые поступления в бюджет будут расти или хотя бы сохранятся на прежнем уровне.

К тому же, при расчете бюджета на следующий год вряд ли принималось во внимание ограничение роста цен в рознице, о котором мы говорили выше. Для обеспечения наполнения бюджета его следовало бы отменить. Но с учетом неумения признавать ошибки, а также положительной оценки этого решения со стороны населения, быстро от него отказаться не получится. Скорее всего, реакция будет запоздалой, когда уже будут проблемы и у торговых сетей, и у бюджета. Как следствие, риском может стать монетизация дефицита (квази) бюджета за счет эмиссии: в текущем году этот ящик Пандоры уже открывали.

Если подвести черту, то в целом можно говорить, что у правительства нет четкого понимания, куда мы идем. Это большая проблема, которая предполагает невозможность предложить какой-либо социальный контракт взамен утраченного. А если правительству нечего предложить, то не приходится надеяться на приток инвестиций, адекватную реакцию на вербальные интервенции, рациональное поведение на задаваемые стимулы.

Сегодня правительство уже даже не рисует картины светлого будущего, значимый рост благосостояния граждан как цель тоже ушел из повестки дня, нет бравоирования статусом ИТ-страны, транспортно-логистическим узлом в центре Европы, имиджем «процветающей» Беларуси. Риторика сводится к тому, что нет войны, есть теплая вода и еда и уже этому надо радоваться. Такой посыл подрывает возможности Беларуси в среднесрочной перспективе начать выход из колеи рецессии. Поэтому мой среднесрочный прогноз — это колебания около нулевых темпов роста. А при сохранении текущей разрушительной политики к человеческому капиталу, отношению к предпринимательству как враждебному классу и дальнейшему попранию права собственности следует ожидать дальнейшей деградации институтов и экономического спада. По сути у нас забрали будущее.

ВОЙНА В УКРАИНЕ СЕРЬЕЗНО УДАРИЛА ПО ЭКОНОМИКЕ ВСЕГО МИРА

Катерина Борнукова, академический директор BEROC (Киев), приглашенный профессор университета Карлоса III в Мадриде

Украина: тысячи смертей, миграция и огромные потери для экономики

Самая большая трагедия российской агрессии против Украины — это унесенные человеческие жизни. По данным ООН, к октябрю количество жертв среди мирных жителей превысило 15 тысяч человек. В то же время можно говорить о других потерях, которые выражаются в очень многих формах и видах и оказывают влияние как на саму Украину, так и на другие страны мира.

Если мы говорим об экономике Украины, то первое, что наиболее легко поддается оценке, это влияние войны на ВВП страны. По оценкам МВФ, в этом году он сократится более чем на 30%. Это около 60 млрд долларов. Кроме этого абстрактного показателя есть и более осязаемое влияние — это физические разрушения или инфраструктурные потери. По подсчетам экспертов, занимающихся трекингом всех разрушений, сумма потерь уже сейчас составляет около 500-600 млрд долларов. И чем дольше продолжаются обстрелы инфраструктуры, тем больше увеличиваются эти потери.

Третий важный аспект в этом контексте — это миграция, которая стала спасительным явлением для украинского населения. С начала войны из Украины выехало более 14,5 миллиона граждан. Большинство из них выказывает желание приехать назад после войны, кто-то возвращается уже сейчас, но очевидно, что часть людей не вернется, особенно если война затянется. Это огромный подрыв экономического потенциала в будущем, но оценить этот ущерб гораздо сложнее.

Беларусь: усиление зависимости от России и потери движущей части экономики

От Украины можно перейти к экономике Беларуси. Здесь мы видим несколько путей влияния войны на нашу страну. В первую очередь это прекращение торговли с Украиной, в связи с чем мы потеряли почти 5 млрд экспорта и больше 1 млрд импорта. Беларусь сильно зависела от этой торговли, вряд ли у какой-то другой страны более 10% экспорта приходилось на Украину. Кроме того, на экономику Беларуси (как и России) огромный эффект оказывают санкции. Их влияние будет долговременным. Можно также вспомнить уход бизнеса, который не был элементом санкций. Заметнее всего это явление проявилось в ИТ-отрасли. В результате сектор, который раньше рос под 10% в год, сейчас показывает невиданный ранее спад. В этом секторе драматически сокращается занятость — даже компании, которые не закрываются и не релоцируются, приостанавливают найм и из них происходит от-

ток людей. В средних и больших компаниях произошло сокращение штата почти на 20%. Это прямые потери движущей части экономики, и непонятно, насколько их влияние на остальную экономику будет расти. Поэтому перспективы этого сектора, а с ним и экономического роста Беларуси, становятся очень сомнительными.

В то же время Беларусь не пострадала от повышения цен на энергоносители, с которым столкнулись другие страны. Ей также не пришлось брать на себя расходы по поддержке украинских мигрантов, потому что большинство из них поехали в другие государства.

С другой стороны, в связи с потерей Беларусью второго и третьего торговых партнеров (ЕС и Украины), несмотря на наращивание экспорта в азиатские страны, Россия осталась чуть ли не единственным крупным рынком во внешней торговле. В связи с этим зависимость от российской экономики сильно выросла. Если еще год назад около 40% нашего экспорта шло в Россию и все еще была цель снизить долю РФ за счет повышения торговли с ЕС и странами так называемой дальней дуги, то теперь об этом речи не идет, и доля России, скорее всего, достигает во внешней торговле 60-70%. Москва осталась единственным партнером, к которому Беларусь может обратиться за финансированием. Она же была и остается единственным поставщиком энергоносителей.

Мир: риски продовольственной безопасности, увеличение военных бюджетов

Другие страны, которые не столкнулись с военным конфликтом напрямую, ощущают экономические последствия войны в Украине через два основных канала. Это торговля, в первую очередь с Украиной. Это касается как европейских государств, так и других стран. Те, кто в значительной степени зависел от поставок украинского зерна, столкнулись с рисками в плане продовольственной безопасности. Второй канал — это рост цен, связанный с конфликтом и его последствиями. В первую очередь речь идет об удорожании газа и нефти. Прежде всего это коснулось европейских стран, которые покупали российское сырье.

В целом же последствия российской военной агрессии оказали влияние на всю мировую экономику. Так, World Economic Outlook, подготовленный МВФ в октябре 2022 года, дает куда менее оптимистичные оценки и прогнозы по сравнению с теми, которые приводил он же в январе этого года. Если изначально планировалось, что глобальная экономика вырастет на 4.4%, в частности Еврозона должна была вырасти на 3.9%, то в октябрьском докладе мы видим, что с учетом эффектов войны ожидание роста мировой экономики — 3.2%. Это меньше на 1.2 п.п. или более 1 трлн долларов. Прогноз по Евроне упал до 3.1%.

Очевидно, что на замедление роста мировой экономики влияет не только война, но и другие факторы,

например, замедление экономики Китая. Но значительная часть потери потенциального роста все же связана с российской войной в Украине и ее последствиями.

Важным долгосрочным эффектом военных действий на территории Европы станет увеличение военных затрат разных стран. С одной стороны, наращивание военного производства будет положительно влиять на ВВП, стимулируя его рост. Но с другой стороны, туда будут перенаправляться огромные ресурсы, что отразится на расходной части бюджетов. Это печальный факт для всех, потому что это те ресурсы, которые страны могли тратить на образование или здравоохранение.

Второй долгосрочный тренд, который останется с нами после войны — это снижение уровня глобализации и взаимной торговли. В частности, для Беларуси, как малой открытой экономики, это может быть чревато превращением в малый регион РФ (с экономической точки зрения), потому что торговля по остальным направлениям будет либо ограничена, либо проходить транзитом через Россию.

Что касается торговых отношений Украины и России, то все будет зависеть от того, как именно конфликт закончится. Но очевидно, что если не произойдет больших политических перемен внутри самой России, то она может остаться за железным занавесом, и чем дальше, тем больше будет нарастать отделение от РФ во всех крупных и мелких точках взаимодействия. Это видно уже сейчас: если в начале года европейцы не были готовы отказаться от российских газа и нефти, но теперь постепенно делают это. Причем процесс идет гораздо быстрее, чем виделось изначально.

Еще один большой вопрос: будут ли требовать с России контрибуций, конфискации ее заблокированных резервов. Сейчас Киев серьезно настроен на поиск способов взыскать деньги с России, что в общем-то понятно, потому что потери Украины приближаются к половине триллиона долларов. Если вопрос будет решен в пользу Украины, то часть российской собственности за рубежом, в том числе заблокированные санкциями резервы, вполне могут быть выделены пострадавшей стране. Это даст Украине некоторые ресурсы для восстановления. Думаю, ей будут оказывать поддержку и другие страны, но это уже будет зависеть от политической и экономической конъюнктуры на тот момент. Сейчас картина выглядит так, что все заинтересованы в том, чтобы Украина после окончания войны восстановилась как можно скорее.

Если допустить, что война закончится весной 2023 года, к тому времени совокупные потери Украины могут составить около 40% ВВП, это без учета разрушенной инфраструктуры и человеческих потерь. Если Украине окажут поддержку и она будет активно интегрироваться в Еврозону, то восстановить такой объем экономики страна сможет примерно за пять

лет. Однако возвращение на траекторию роста, как видно по опыту других войн, может занимать десятилетия.

Что касается Беларуси, то не очень понятно, в каком состоянии мы выйдем из этой войны. Каким будет объем санкций, если они к тому времени еще будут в силе. От этого зависит, вернемся ли на прежнюю траекторию роста или так и будем на десять лет позади того, что могло бы быть, если бы Минск не стал соучастником агрессии. Если в Беларуси произойдут внутривнутриполитические изменения, то потерю примерно 5% ВВП легко можно возместить за год, а еще за один — нагнать утраченное время.

ЦІ ЁСЦЬ СЭНС ВЫВОДЗІЦЬ НА ПОЎНУЮ МАГУТНАСЦЬ ДРУГІ ЭНЕРГАБЛОК І ЯКІ ЭФЕКТ АД ПРАЦЫ ПЕРШАГА

Яўген Макарчук, спецыяліст дэпартамента энергетычнай бяспекі iSANS

Адзіны эффект ад працы АЭС – скарачэнне аб'ёмаў спажывання газу

Дзеля будаўніцтва БелАЭС Мінск узяў крэдыт у памеры 10 млрд долараў (з іх выкарысталі каля 7 млрд). Зараз мы плацім адсоткі па гэтым крэдыту, а з 1 красавіка 2023 года можа пачацца выплата асноўнай пазыкі. Але сама станцыя пакуль працуе з эфектыўнасцю толькі ў 50%, то-бок запушчаны на поўную магутнасць толькі адзін энергаблок, і той ў 2022 годзе больш прастойваў, чым працаваў.

З перагрузкай паліва рамонт павінен праводзіцца праз кожныя выпрацаваныя 9.5 млн кВт г электраэнергіі. У сярэднім столькі выпрацоўваецца за год. Лічыцца, што АЭС можа прастойваць каля 10% усяго перыяду працы. Гэты час патрэбны на так званы планавы-папераджальны рамонт. Ён займае каля 35-36 дзён на год. У гэтым годзе станцыя прастаяла 198 дзён, то-бок больш за палову часу. Што дакладна адбывалася на станцыі ў гэты час, засталася неагучаным. Ёсць два меркаванні, па-першае, падчас рамонту магло спатрэбіцца нейкае абсталяванне, якога няма ў наяўнасці, і прыйшлося чакаць яго дастаўкі альбо выпрацоўваць. Па-другое, у краіне не было такога попыту на электраэнергію, каб станцыя працягвала працаваць. З красавіка, як вядома, штотысячныя дадзеныя вытворчасці электраэнергіі не публікуюцца, таму мы не ведаем, наколькі гэтая тэорыя блізкая да рэчаіснасці.

У любым выпадку такі доўгі час прастоя выклікае пытанні, бо па вопыту іншых атамных станцый, нават са значнай заменай абсталявання, тэрмін рамонту рэдка доўжыцца больш за 70 дзён. Больш за 100 дзён я не знайшоў ні аднаго выпадку. У нас жа тэрмін прастоя амаль наблізіўся да перыяду, які некалі спатрэбіўся дзеля таго, каб пабудаваць саркафаг на Чарнобыльскай АЭС (гэта заняло 208 дзён).

У той жа час няма падстаў лічыць, што такія доўгія прастой на БелАЭС будуць нормай. Магчыма наступны рамонт будзе доўжыцца 35 дзён і станцыя будзе працаваць, як планавалася. У іншым выпадку ні ў якую эканоміку гэтая АЭС не ўлезе.

Між іншым, нават пры тым, што станцыя доўга была адключаная ад электраэнергетычнай сеткі, ёсць адзін важны эффект, бачны ўжо зараз. Гэта скарачэнне аб'ёмаў пакупкі расійскага газу. Па дадзеных Мінэнерга, з моманту ўключэння ў сетку першы энергаблок выпрацаваў 10 млрд кВтг электраэнергіі, замясціўшы 2.8 млрд м² газу.

Ці ёсць сэнс выводзіць на поўную магутнасць другі энергаблок

У кожны момант часу вытворчасць электраэнергіі павінна супадаць з аб'ёмам спажывання — гэта асаблівасць галіны. У нас няма складоў, каб выпрацоўваць яе ноччу, а прадаваць, напрыклад, днём. Між тым бываюць перыяды часу, калі вытворчасць перавышае спажыванне. Дзеля такіх выпадкаў на шмат якіх ЦЭЦ і некаторых кацельных пабудавалі электракатлы, праз якія спажываюцца лішкі электраэнергіі, ператвараючы яе ў цеплавую энергію для спажываўцоў. Калі працуе адзін блок, то праблем з лішкамі не будзе. А вось калі, як запланавана, у першым квартале на поўную моц пачне працаваць другі энергаблок, то я не ўпэўнены, што магутнасці гэтых электракатлоў хопіць на тое, каб спажыць усю лішнюю электраэнергію.

Выглядае, што спяшацца выводзіць другі энергаблок на поўную магутнасць няма сэнсу. Пытанне толькі ў тым, як дадаваць крэдыт, таму што калі мы павінны будзем выплочваць увесь крэдыт, то-бок 7 млрд, а будзе працаваць, напрыклад, толькі адзін энергаблок (калі гэта ніяк не ўлічана ў крэдытнай дамоў), то сітуацыя выглядае даволі складанай. У такім выпадку электраэнергія атрымоўваецца вельмі дарагой. З другога боку, выглядае, што ў выпадку запуску другога блоку яе няма куды будзе дзяваць, бо спадзевы былі на эканамічны рост і стымуляванне спажывання, у прыватнасці на будаўніцтва дамоў з электраацяпленнем. У адкрытым доступе няма дадзеных, але выглядае, што гэтыя планы не рэалізаваліся, мяркуючы па скарачэнні ВУП і працы розных галін эканомікі.

Што датычыцца крэдыту, то ёсць верагоднасць, што выплаты па ім не будуць такім цяжарам, як можа падавацца. Але толькі ў тым выпадку, калі ў кантракце на будаўніцтва станцыі прапісаны штрафныя санкцыі на выпадак парушэння тэрмінаў будаўніцтва. Самі дамовы мы не бачылі, але было б лагічна гэта прапісаць. Калі так, атрымоўваецца, што калі станцыю не здалі ў тэрмін, то ў гэты перыяд па даўгах плацім не мы, а «Росатом экспорт» альбо ў крэдытную дамову ўносяцца змены на карысць Беларусі.

Чакаць зніжэння тарыфаў не даводзіцца

Некалі беларусам абяцалі, што пасля будаўніцтва БелАЭС электраэнергія для спажываўцоў стане больш таннай. Цяпер сітуацыя выглядае так, што ўвод у эксплуатацыю першага энергаблока ніяк не паўплываў на тарыфы. Разлікі таксама паказваюць, што сабекошт генерацыі электраэнергіі на АЭС не атрымоўваецца больш танным, чым на газавых блоках. Атрымоўваецца, што мы проста замянілі адно паліва на другое, і цяпер за гэта плацім дадаткова за кошт выдаткаў на будаўніцтва і крэдыт, што негатыўна адбіваецца на эканоміцы. Апошняе,

што казалі пра тарыфы ў Мінэнерга, гэта што праца АЭС ужо ўлічана ў тарыфах, хаця фактычна іх змены не было. Выглядае, што ў гэтым накірунку няма чаго чакаць.

Адзіныя, каго можна з нацяжкай назваць пераможцамі ў гэтай сітуацыі, гэта людзі, якія пачалі спажываць электраэнергію на патрэбы ацяплення. Але гэта толькі таму, што для іх адмыслова зрабілі вельмі нізкія тарыфы – утрая ніжэй, чым сабекошт вытворчасці электраэнергіі. Мінэнерга і наш антыманапольны орган называюць сабекошт, які дазваляе вяртаць усе эканамічна абгрунтаваныя выдаткі, каля 9 цэнтаў. А насельніцтва можа спажываць электраэнергію на патрэбы электраацяплення па тарыфу каля 1.2 цэнта. Гэта відавочнае субсідаванне, прычым у вялізных аб'ёмах.

Плануецца, што праз 15 гадоў Беларусь выплаціць крэдыт, які брала на будаўніцтва АЭС. Пасля гэтага павінен значна скараціцца сабекошт вытворчасці электраэнергіі, і тэарэтычна яна можа стаць больш таннай.

Перспектывы БелАЭС у сувязі з энергетычным крызісам і кліматычнымі пагадненнямі

Наяўнасць у краіне АЭС дазваляе лепш адаптавацца да змяняючыхся рэалій і адпавядаць патрабаванням па кліматычных пагадненнях. З боку экалагаў гучыць пэўная антыядзерная рыторыка і крытыка, але звязаная яна з тым, што гэты спосаб вытворчасці электраэнергіі не лічыцца бяспечным і што да канца не вырашана праблема бяспечнай утылізацыі адпрацаванага ядзернага паліва і радыяактыўных адходаў. З другога боку, вытворчасць электраэнергіі на АЭС лічыцца кліматычна нейтральнай (калі мы не ўлічваем этап будаўніцтва станцыі), бо яна не звязаная з выкідамі цяплічных газаў. Таму калі ў нас будзе скарачацца спажыванне прыроднага газу, гэта будзе весці да скарачэння выкідаў цяплічных газаў і зніжаць наш уплыў на клімат.

У той жа час, калі закранаць пытанне залежнасці ад расійскіх энергакрыніц, то яна застаецца, таму што адзіным пастаўчыком ядзернага паліва для БелАЭС будзе РФ. Можна ўспомніць, калі ў нас былі перабоі з пастаўкамі газу ці нафты па палітычных прычынах. Цалкам магчымыя падобныя сітуацыі і з палівамі для энергаблокаў атамнай станцыі. З другога боку, кошты энергіі, выпрацаванай на АЭС, не так моцна схільныя да скачкоў. Па-першае, у гэтым выпадку кошт на ядзернае паліва займае значна меншую долю ў сабекошце электраэнергіі, па-другое, ён не схільны да такіх ваганняў, як кошт газу. Таму можна казаць пра больш стабільнае і прадказальнае цэнаўтварэнне электраэнергіі.

Палітычныя выклікі, звязаныя з БелАЭС

Падчас будаўніцтва і працы БелАЭС еўрапейскія гульты, у першую чаргу Літва, вельмі крытычна

ставіліся да яе. Верагодна, што яны не зменяць свайго стаўлення нават пасля змены ў Беларусі палітычнага рэжыму, таму што выглядае, што гэтыя рэчы ніяк не звязаныя. У сувязі з гэтым перад Беларуссю будзе стаяць пытанне, што рабіць з гэтай станцыяй. З аднаго боку, стаіць пытанне вялікага патэнцыялу эканамічнага супрацоўніцтва з Літвой, Польшчай з-за працы АЭС. З іншага боку, закрываць станцыю, якую толькі пабудавалі і нават не адбілі крэдыт на яе – таксама балючае рашэнне. Але гэтая праблема ўзнікне.

Хутчэй за ўсё, трэба будзе праводзіць незалежны аўдыт станцыі, дапусціўшы да яго зацікаўленыя бакі, і рабіць выснову адносна яе бяспечнасці. Калі вызначыцца, што станцыя бяспечная (ці яе бяспечнасць можна павысіць да неабходнага ўзроўня), то гэта можа быць аргументам у перамовах з суседнімі краінамі. Калі ж выявіцца, што станцыя небяспечная, то яе трэба спыняць у любым выпадку, бо Беларусь – не месца для працы небяспечных АЭС.